

Н. А. Дубова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОДЕРЖАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В настоящее время в связи с актуализацией проблемы развития человека все чаще возникает вопрос о сущности антропологии, о ее предмете, методах и задачах. Вопрос этот уже неоднократно ставился на протяжении длительной истории развития науки (самостоятельная наука, исследующая вариации строения человека, оформилась в XVIII—XIX вв.). На разных этапах границы ее расширялись, включая многие биологические и социальные науки о человеке, и сужались до изучения лишь морфологии. Эти этапы были в свое время подробно рассмотрены В. В. Бунаком¹ и совсем недавно А. А. Зубовым².

Для советских ученых традиционна точка зрения на антропологию как на специфическую биологическую науку, изучающую вариации физического типа здорового человека во времени и пространстве. Антропология имеет три взаимосвязанных раздела: учение об антропогенезе — процессе историко-эволюционного формирования физического типа человека, обусловленного социогенезом; морфология человека, изучающая индивидуальную, возрастную, половую изменчивость физического типа в связи с групповыми (расовыми, этническими, профессиональными и пр.) характеристиками, возникающими под влиянием различных условий жизни и труда; расоведение, исследующее сходство и различие между расами человека по их биологическим особенностям, историю формирования рас, причины и факторы расообразования³. Выделение в составе антропологии четвертого раздела — физиологической антропологии (на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 г. так была названа одна из секций)⁴ мне представляется недостаточно обоснованным. Ведь изменчивость физического типа человека уже подразумевает изучение его (типа) всеми возможными методами, в том числе и физиологическими. Поэтому-то и в антропогенетических исследованиях и в расоведении рассматриваются и функциональные признаки. Обращаясь к «Словарю иностранных слов», читаем: «физический — относящийся к организму человека..., телесный»⁵. Поэтому, говоря о предмете антропологии, правильнее, видимо, употреблять термин «биологический тип» или «биотип» человека. Однако поскольку стало традиционным употребление термина «физический тип», в статье мы будем пользоваться им.

¹ Бунак В. В. Антропология, ее разделы и содержание. — В кн.: Бунак В. В., Нестурх М. Ф., Рогинский Я. Я. Антропология. М., 1941, с. 5—12.

² Зубов А. А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР. — Сов. этнография, 1982, № 5.

³ См., например: Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высш. школа, 1978.

⁴ См.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 1 (М.: Наука, 1968), а также ряд более поздних публикаций (В. П. Алексеев. Горизонты антропологии. — В кн.: Будущее науки. М.: Знание, 1972, в. 5; Т. И. Алексеева. Физиологическая антропология. — В кн.: Морфология человека и животных. Антропология. М., 1974, т. 6).

⁵ Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1979, с. 540.

Взгляд на антропологию как на комплексную биологическую и социальную науку, распространенный в странах Западной Европы и в Америке, был подвергнут критике В. В. Бунаком и (с других позиций) А. А. Зубовым⁶.

В. П. Алексеев, развив положение И. В. Тимофеева-Рессовского об уровнях изучения человека, примененное Я. Я. Рогинским к антропологии⁷, обосновал точку зрения о новом подходе к классификации антропологических знаний. Им предложено несколько уровней: индивидуальные (молекулярный, клеточный, тканевой, органный или системный, организменный, или, по И. В. Тимофееву-Рессовскому, онтогенетический) и надорганизменные (этнический и расовый)⁸. Однако нам представляется, что в работе В. П. Алексеева речь идет не столько о новом подходе, сколько о новых направлениях антропологических исследований, которые по сути дела будут способствовать решению тех же антропологических проблем: уточнению этапов сложения физического типа *Homo sapiens*, выявлению современной вариации более глубоких структур в различных этнических, профессиональных, возрастных и других группах человека и его расах. Если же В. П. Алексеев считает, что в задачи антропологии входит изучение молекулярной биологии, цитологии, гистологии, генетики и т. п. человека, то приходится признать, что его точка зрения по существу перекликается с недавно сформулированным необычным определением антропологии, согласно которому она представляет собой систему наук — генетики, экологии, анатомии, физиологии, психологии и ряда других⁹. Такое понимание предмета антропологии не просто было высказано, но имело и организационные последствия. Так, в рамках Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов (ВНОАГЭ) в 1979 г. была восстановлена секция антропологии (факт сам по себе отрадный) и созданы затем ее отделы в большинстве союзных республик. С сожалением надо отметить, что многие республиканские антропологические секции ВНОАГЭ, базируясь на анатомических или спортивно-медицинских учреждениях, даже не включают в свой состав антропологов.

Очень показательна в этом смысле тематика докладов, представленных на Второй всесоюзной антропологической конференции в Минске¹⁰. При всей научной значимости проблем, обсуждавшихся на этой конференции, все же удивление вызывает тематика ряда докладов, например, на секции психологической и спортивной антропологии и др.¹¹ В некоторых из докладов анализируются те или иные свойства отдельных индивидуумов, тогда как современная антропология, в частности советская антропологическая школа, придерживающаяся популяционной концепции структуры человечества, использует индивидуальную изменчивость отдельных соматических, биохимических, физиологических и других показателей в тесной связи с групповыми характеристиками, будь то

⁶ Бунак В. В. Указ. раб.; Зубов А. А. Указ. раб.

⁷ Рогинский Я. Я. Методологические основы антропологии. — Научн. докл. высш. школы. Биологические науки, 1966, № 3, с. 17.

⁸ Алексеев В. П. Указ. раб.; его же. Историческая антропология. М.: Высш. школа, 1979, с. 45—48.

⁹ Наиболее полно это понимание предмета антропологии представлено в докладе Б. А. Никитюка на Второй всесоюзной антропологической конференции в Минске в 1981 г., см.: Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т. Вторая всесоюзная антропологическая конференция. — Сов. этнография, 1982, № 5. См. также: Никитюк Б. А. Предисловие к кн.: Тегако Л. И., Саливон И. И., Микулич А. И. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск: Наука и техника, 1981, с. 3—7.

¹⁰ См.: Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т. Указ. раб.

¹¹ Например: «О связи некоторых нейродинамических и психодинамических особенностей индивидуальности», «Влияние функциональной музыки на психофизиологическое состояние и потребностно-мотивационную сферу учащихся», «Динамика показателей двигательной функции скелетных мышц юных метателей молота», «Топография мышечной силы и активной подвижности в крупных суставах у спортсменов, специализирующихся по спортивной гимнастике», «К вопросу о профилактике срыва процесса адаптации опорно-двигательного аппарата при неадекватных нагрузках», «Адаптационные перестройки костей на уровне микроструктур» и др.

расовые или этнические, профессиональные или какие-либо другие подразделения. Ряд докладов посвящен частным вопросам самостоятельных наук — психологии, спортивной морфологии и др. Кстати, несмотря на то что руководство секции антропологии ВНОАГЭ включает в систему антропологических знаний генетику, биохимию, физиологию и другие науки, ни на одном из заседаний минской конференции они представлены не были.

Какой же из приведенных точек зрения о предмете антропологии следует отдать предпочтение? На наш взгляд, все они недостаточно полно отражают сущность антропологии. Они «вырывают» отдельные аспекты из общей глобальной проблемы развития человека, искусственно пытаясь соединить при этом данные различных наук. Почему, например, включая в антропологию социологию и психологию, зарубежные (в частности, американская) школы рассматривают такие дисциплины, как антропогенетика, спортивная морфология и искусствоведение раздельно? Почему в концепции, представленной Б. А. Никитюком и другими специалистами, полностью игнорируются социальные науки, но включается психология?

Правомернее отдать предпочтение традиционному для советской науки определению антропологии. В нем более конкретно по сравнению с другими формулируется предмет науки: вариации физического типа человека во времени и в пространстве. Именно при таком понимании наука пользуется едиными, свойственными лишь ей методами — антропометрией, антропоскопией и т. д. Физический тип человека изучается, как известно, не только антропологией, но и медициной, морфологией, анатомией и прочими отраслями знаний, однако «все эти области отграничиваются от антропологии тем, что они: 1) рассматривают человека как некий единый обобщенный тип, 2) изучают главным образом эволюцию отдельных органов или тканей, а не их конкретное сочетание в данном организме». В противоположность этому антропология рассматривает человека гораздо более углубленно, исследуя его конкретные разновидности — возрастные, половые, ареальные и внеареальные, и притом в свете взаимообусловленности этих вариаций¹². Ценнейший материал для антропологии, безусловно, могут дать исследования по генетике, экологии, гистологии и другим биологическим наукам. Применение методов этих и других наук в антропологических исследованиях с неизбежностью повлечет за собой возможность новых обобщений, формулировку новых гипотез, решений. Очевидна необходимость и обратной связи, т. е. использования методов и данных антропологии в смежных дисциплинах¹³. В то же время исследования в пограничных областях сами по себе еще не знаменуют сложения самостоятельных спортивной, медицинской, эргономической и других антропологий. Эти исследования лишь предполагают использование методов антропологии в той или иной науке или же методов других наук в антропологии. Вряд ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что применение математических методов в различных биологических дисциплинах, и в частности в антропологии, не свидетельствует еще о существовании антропологической математики или математической антропологии. Поэтому, вероятно, правы антропологи, проводящие совместные исследования с медиками, анатомами, психологами, этнографами, археологами и другими специалистами. Но проводя эти исследования, они совершенно не вправе забывать о предмете своей науки. Привлечение новых «свежих» сил в антрополо-

¹² Бунак В. В. Указ. раб., с. 11.

¹³ Всем хорошо известна, например, различная чувствительность людей к одному и тому же лекарственному препарату. Ясно также, что это скорее всего является следствием физиологических различий между индивидуумами. В свою очередь эти различия кроме индивидуальных имеют и групповые, в частности расовые особенности. В то же время затруднительно, во всяком случае сегодня, назвать хотя бы одну или несколько работ, так или иначе рассматривающих этот вопрос, имеющий немаловажное практическое значение для медицины. Кстати, необходимость именно такого сотрудничества подчеркивалась давно. См., например: *Vallois H. V. Race.— In: Anthropology Today. Chicago, 1952, p. 161.*

гию, за что ратует секция антропологии ВНОАГЭ, также должно осуществляться под этим углом зрения. Противоположные тенденции, ведущие к полной потере антропологией своей специфики, легко прослеживаются на примере уже упоминавшейся конференции в Минске¹⁴. Они ведут к размыванию самой сущности антропологической науки и потере информации об объекте исследования, которая может быть получена только с позиций антропологической науки и ее методов.

Специфическим явлением современности, связанным с прогрессом научной мысли, является все возрастающее многообразие аспектов человекознания. «Проблема человека становится не только центром обществоведения, но и центром всей науки. Она по существу превращается в ту цементирующую основу, на которой формируется тесное единство естественных, общественных и технических наук...»¹⁵. Иными словами, начинает складываться единая наука, предметом которой являются человек и природа в их диалектическом единстве¹⁶.

В связи с этим возникает необходимость решения проблемы интеграции научных дисциплин и междисциплинарных связей в изучении целостной, комплексной концепции человека, на что указывает целый ряд авторов¹⁷. Б. М. Кедров в работе, посвященной классификации наук и их взаимодействию, пишет: «Комплексность в научном исследовании — это не простое сложение методов различных наук вместе, не простое следование синтеза за анализом, а слияние наук воедино при изучении общего для них объекта...». И далее: «Когда возникает задача комплексного исследования конкретного объекта, то кажется, на первый взгляд, что дело сводится к тому, чтобы составить организационную ячейку из специалистов различного профиля, дать им тему, определить сроки намеченной работы, обеспечить необходимыми условиями и — дело с концом. Но здесь отсутствует самое главное, без чего оркестра из собранных музыкантов не получится: не обеспечена слаженность и стройность общей комплексной работы и взаимное тонкое понимание участниками оркестра друг друга, и нет дирижера, способного уловить правильно игру каждого из них»¹⁸. Таким «дирижером» междисциплинарных связей и основой интеграции наук должна явиться марксистская диалектика, а именно та ее часть, которая в современной философии известна как концепция развития и соотношения уровней объективной реальности¹⁹. Разработанная в принципиальной форме Ф. Энгельсом, эта концепция получила последующее развитие в современной философской литературе²⁰.

Ф. Энгельс показал, что построение целой системы знаний и их иерархия не могут осуществляться искусственно, что последовательность форм

¹⁴ Так, в сделанном на пленарном заседании минской конференции докладе Н. И. Аринчина с интересным для антропологов названием «Эволюционные структурно-функциональные предпосылки к возникновению человека», раскрывалась эволюция механизма обеспечения мозга артериальной кровью. В чем же заключался антропологический аспект доклада? По всей видимости, его не было, прежде всего уже потому, что учение об антропогенезе включает сравнительную анатомию только начиная с отряда приматов. Этот доклад важен для антропологов лишь тем, что показывает сложение отдельных структурно-функциональных связей, позволяющих эволюционировать головному мозгу позвоночных. Собственно антропологических выводов из такого доклада не следует. Думается, что с антропологической точки зрения важным было бы показать как и какие особенности (предпосылки) сыграли роль в формировании головного мозга человека, были ли такие структурно-функциональные предпосылки; что можно считать поворотными критическими точками (и есть ли они), соответствующими стадиям архантропа, палеоантропа, неолантропа. Именно такой подход или близкий к нему можно было бы назвать антропологическим. Без увязки с человеком, отрядом приматов, этот вопрос целиком остается в сфере сравнительной анатомии.

¹⁵ Чепиков М. Г. Интеграция науки. М.: Мысль, 1981, с. 226—227.

¹⁶ Марке К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

¹⁷ См., например: Афанасьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.

¹⁸ Кедров Б. М. О современной классификации наук (основные тенденции в ее эволюции). — Вопросы философии, 1980, № 10, с. 94, 100—101.

¹⁹ Кедров Б. М. Марксистская философия: ее предмет и роль в интеграции современных наук. — Вопросы философии, 1982, № 1, с. 52—62.

²⁰ См., например: Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974.

движения материи отвечает последовательности ступеней развития как природы в целом, так и истории науки. Он подчеркивал, что классификация наук тесно связана с их историей. «Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки должны с необходимостью вытекать одна из другой»²¹. Переходы от одной науки к другой должны быть естественными, совершаться сами собой.

Историческое развитие материального мира имеет направленность от простого к сложному, от низшего к высшему, от естественного к общественному. Но развитие материи не есть простая последовательность сменяющих друг друга известных форм объективной реальности — физической, химической, биологической и социальной. Высшие ее формы, возникая из низших, сохраняют последние в качестве своей естественной основы²² и развивают ее (основу) далее. Результатом развития этой основы является возникновение специфической физики химических процессов, биохимии и биофизики живого, биологии, биохимии и биофизики человека²³.

Концепция развития и соотношения уровней объективной реальности применима, согласно Ф. Энгельсу, ко всей природе. «Но то, что применимо к природе, ...применимо также ко всем отраслям истории общества и ко всей совокупности наук, занимающихся вещами человеческими...»²⁴. Точно так же, как из газообразной туманности путем дифференциации, возникают, по мысли Ф. Энгельса, физическая, химическая, биологическая и социальная формы движения материи²⁵, так из раннего недифференцированного знания появляются вначале так называемый комплекс точных наук, в частности, физика, затем в средневековье — химические науки, в новое время — биологические и, наконец, в середине прошлого века — науки об обществе. Позднее формируются так называемые пограничные, стыковые отрасли знания — физхимия, биохимия, биофизика и др. Сегодня же, когда возникла потребность в сложении единой науки о человеке и природе в их диалектическом единстве, логично предположить, что первым уровнем интеграции наук о человеке должен явиться комплекс знаний о биологии человека, ядром которого будет антропология как наука об изменчивости внутри видов и видовых особенностях семейства гоминид; второй уровень — совокупность наук о человеке и образующих его (человека) «органическое тело» естественных основах существования — биологических, биохимических, биофизических и др. Наконец, третий уровень — это комплекс наук о человеке, естественных основах его существования и образующих его «неорганическое тело» природных условиях существования.

Какое же место в этой системе занимает антропология как специфическая биологическая наука? Что является объектом ее исследования?

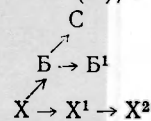
В этой связи следует вспомнить небезызвестное отношение Ф. Энгельса к термину «антропология», назвавшего его (термин) неудачным.

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 565.

²² Термин «основа» в рассматриваемом классиками марксизма смысле означает низшую ступень развития, без которой не может возникнуть высшее и которая включается, с определенным изменением, в высшую ступень объективной реальности. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

²³ Развитие идет от низшего (Н) к высшему (В) с удержанием и последующим развитием низшего в качестве естественной основы высшего (Н') и может быть выра-

жено формулой: $N \xrightarrow{B} N'$. Эту наиболее общую формулу развития применительно к известным формам объективной реальности — физической (Ф), химической (Х), био-

логической (Б) и социальной (С) можно развернуть: $\Phi \rightarrow \Phi^1 \rightarrow \Phi^2 \rightarrow \Phi^3$.

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 305.

²⁵ Там же, т. 20, с. 355—366.

«...В новейшее время», — пишет Энгельс, — закладывалась основа «так называемой (неудачно) антропологии, опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории»²⁶. Термин антропология подразумевает всестороннее исследование человека методами различных наук, поэтому Энгельс вводит понятие «специфическая биология» человека, исторически изменяющаяся под влиянием труда²⁷. Именно такое содержание предмета антропологии традиционно для советской науки, именно его придерживаются в настоящее время многие исследователи в области антропологии²⁸.

Поэтому, учитывая, что только в одном случае мы имеем четкий предмет, конкретные задачи и единые своеобразные методы изучения, под антропологией как относительно самостоятельной отраслью знания следует понимать, на наш взгляд, науку, изучающую вариации физического, а точнее, биологического типа человека во времени и в пространстве, т. е. социально обусловленную, исторически развивающуюся биологию человека. Или, говоря словами В. В. Бунака, «учение о видовых особенностях и внутривидовых вариациях строения семейства гоминид»²⁹.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 501.

²⁷ «Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 359; см. также с. 490.

²⁸ Бунак В. В. Указ. раб.; Рогинский Я. Я. Указ. раб.; Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Указ. раб.; Зубов А. А. Указ. раб. Такого определения предмета антропологии придерживается и М. И. Урысон. На Второй всесоюзной антропологической конференции в Минске он говорил о специфике антропологии как единой и целостной науки (см. Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т. Указ. раб., с. 127).

²⁹ Бунак В. В. Указ. раб., с. 11.

О. А. Сухарева

ОРНАМЕНТ ДЕКОРАТИВНЫХ ВЫШИВОК САМАРКАНДА И ЕГО СВЯЗЬ С НАРОДНЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ И ВЕРОВАНИЯМИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Известно, что изобразительное искусство народов Средней Азии после распространения здесь ислама утратило присущую ему ранее свободу в выборе сюжетов и сделалось преимущественно орнаментальным. Разнообразными узорами покрывались стены жилищ, деревянные и металлические предметы быта, ткани. Высоко развито было вышивальное искусство, представленное несколькими крупными направлениями.

Исследование среднеазиатского орнамента показало, что составляющие его основу стилизованные растения (побеги, цветы, листья) и геометрические фигуры наделяются в народном сознании, прежде всего в сознании тех, кто их создает, иным содержанием. Впервые на это указал М. С. Андреев в 1928 г., утверждавший, что за растительными или геометрическими орнаментальными мотивами кроется мир реальных предметов и что в узорах отражены те или иные представления об окружающем мире¹. С тех пор изучение среднеазиатского орнамента намного продвинулось вперед, причем в трудах этнографов, которые, в силу своей специальности получают сведения непосредственно от создателей произведений народного искусства, неизменно выявлялась скрытая под

¹ Андреев М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Амударьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928.